

Андре Тамагочи

(сценарий концептуального действия Офелия-Оппель)

Место действия — баня — время московское — протяженность полтора километра.

Раздевалка — Народ тусуется — обмениваясь шампунем «Вошэндгоу» и впечатлениями.

Одинокая Офелия у стойки буфета тоскливо-нервно сосет из бутылочки пиво «Будвайзер» — запивая его «Казак уральским» — последнее пьет с явным отвращением. Толпа взрывается воплем: «Я был Отеллой!» — Все начинают яростно целоваться врасплох. Некоторым это нравится, другим нет. Первые удаляются, продолжая и до конца спектакля не появляясь. Оставшиеся рвут волосы и простыни. Звучит музыка БГ и НХА. Банщики тащатся, буфетчица плачет в несвежее полотенце. Офелия произносит монолог старухи Изергиль в переводе австралийского драматурга Хена Сси. Толпа садится в тапки. Вбегают Клавдий и Яго. Они долго дерутся под горячим душем, повизгивая от удовольствия, кричат: «Швеция — тюрьма. Горячей воды нет!» — и скрываются в клубах пара. Толпа переползает в моечное отделение и разлегается на лавках. Из парной шатающейся вереницей появляются Полоний, Германий и

случайно примкнувший к ним Цезий-137. Полоний и Германий теряют на ходу зубы, волосы и прочие части тела, объясняя это травмой одиннадцатилетней давности. Цезий умиротворенно светится бледно-зеленым светом и нарисованными глазами.

Идет танец маленьких гадких лебедей. Слышатся отрывки из Софокла, Гумилева, Шекспира и проф. Лебединского. Крик Офелии: «Не хочу быть бабой!» Цезий под шумок унитаза травит всех. «Хочу быть с «Опелем» — кричит Офелия — садится в «мерс-600» и уезжает — увозя с со-

бой горячую воду и хорошую погоду. Это и есть трагедия. Народ злобно безмолвствует.

Конец (полный) всему. Раздают бесплатную минералку за вредность и терпение.

Федор ГУНДОС

Из жизненных воспоминаний Евгения Вишневого: — Я очень много путешествовал по миру, и на одном из океанских островов (можете себе представить?) у меня был друг-людоед. Самый настоящий. В моем сознании людоед ассоциировался с обликом малоразвитого человека первобытного племени, со злобным оскалом. А мой знакомый имел довольно успешный бизнес на этом острове, был образованным человеком, с прекрасными манерами, в элегантной одежде. В ответ на мое удивление: «Почему же ты не съел меня?» — рассказал, что людоедством занимаются у них не от голода — на деревьях растет много фруктов. Просто у их племени существует обычай: съедать врага в знак полной победы над ним. И людоеды там — очень уважаемые люди, избранное сословие, почти как наше дворянство.

Томас Рот, немецкий театр «Мориба»:

— Мне фестиваль очень понравился. Больше всего — возможность познакомиться и пообщаться со своими коллегами, посмотреть их спектакли. У нас участие в фестивалях порой ограничивается собственным выступлением. На «Театральных опытах» чувствуется готовность услышать друг друга и — очень хорошая организация самого фестиваля. Понимаешь, что над ним очень серьезно работают: это было видно по узким (от недосыпания) глазам встречавших нас в аэропорту манекенщиков. А еще мне иногда приходит мысль: что получилось бы, если бы все театралы объединились и создали собственное государство? Это была бы удивительная страна. Правда, неизвестно, как сложились бы отношения с другими государствами. Но тогда нам бы пришлось открывать для себя новую землю.

Ирина Духина:

— Неизгладимое впечатление произвел на меня Юрий Бобков: в своем будущем театре он смотрелся как Нерон в Колизее.

На последнем итоговом обсуждении прозвучала мысль: по мнению культурологов, распад великих империй начинался с разрушения человеческих связей. Если им поверить, то можно с уверенностью заявить: такие фестивали дают повод надеяться, что такое у нас произойдет не скоро.